

УДК 81'34: 81'38

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ: СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ольга Юрьевна Орлова

аспирант кафедры германской филологии

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

620002, Екатеринбург, ул. Ленина, 51. orlova_82@inbox.ru

В статье рассматриваются существующие отечественные и зарубежные подходы к изучению звукоизобразительности в языке и тексте. Затрагиваются вопросы разнородности слов внутри группы звукоизобразительной лексики в языке. Раскрываются особенности интерпретации случаев актуализации единиц фонетического уровня языка в художественном тексте в разных научных направлениях, а также выявляются проблемы расхождения терминологических систем. Указывается на недостаточную информативность некоторых видов анализа фоностилистического компонента художественного текста, предлагаются возможные варианты подходов к исследованию данных особенностей текста.

Ключевые слова: звукоизобразительность; звукоизобразительная лексика языка; фоностилика художественного текста; функции фоностилистических средств в художественном тексте; анализ литературного текста.

Значимость фоностилистических средств в художественном тексте признается повсеместно [Поливанов 1963: 98–105; Якобсон 1990: 183; Galperin 1977: 123–129; Иванов 1988: 73; Лотман 1996: 71–77; Арнольд 2009: 275–295; Векшин 2006: 53; Казарин 2000: 117–119; Николаева 2000: 417 и др.]. В то же время следует отметить разрозненность исследований в этой области: даже беглого взгляда на литературу по теме достаточно, чтобы проявились как разнообразие терминологических систем, используемых для описания исследуемых явлений, так и отсутствие единых теоретико-методологических подходов к проблеме. В настоящей статье мы намереваемся провести обзор научной литературы, посвященной исследованию фоностилистических средств в художественной литературе, обозначить сильные и слабые стороны существующих подходов, наметить возможные перспективы дальнейшего теоретического развития этой проблематики.

Расхождение терминов обращает на себя внимание с очень ранних работ по теории звукоизобразительности. Так, в 1935 г. чешский лингвист Владимир Скаличка затрагивал проблемы в работе «Исследование венгерских звукоподражательных выражений» [Скаличка 1967], однако под звукоподражательными выражениями автор понимал не только собственно звукоподражательные, но и звукоимитационные единицы язы-

ка. В 1982 г. С.В.Ворониным было показано, что данный пласт лексики языка не является однородным, им были также предложены соответствующие термины: группа слов, отличающихся от всех остальных слов языка признаком фонетической мотивированности, названа им *звукоизобразительной*; внутри данной группы слов выделяются две подгруппы: *звукоподражательная* лексика (сферу мотивации которой можно определить как «звук») и *звукоимитационная* лексика (сферой мотивации которой является «незвук», т.е. зрительные, вкусовые, осязательные и другие ощущения) [Воронин 1982]. Первый термин соотносится с двумя остальными как общее с частным. Понятия, близкие друг другу по сути, обозначаются словами с очевидной и подобной внутренней формой, что указывает на близость этих терминов в рамках одной терминосистемы. Данное качество рассматриваемых терминов обеспечивает требование системности, предъявляемое к терминам. Каждый из терминов стилистически нейтрален и обладает однозначностью.

Несмотря на то что различия звукоподражательной и звукоимитационной лексики достаточно существенны, в специальной литературе данные группы слов иногда полностью отождествляются друг с другом, а иногда, если звукоподражательная лексика рассматривается отдельно от звукоимитационной, для ее обозначения

ния используется термин *ономатоп* [Горохова 2000] или данные термины используются как синонимы [Глухарева 1978]. В работах зарубежных авторов чаще, чем в работах отечественных лингвистов, используется термин *ономатопея*, или *ономатоп* (*onomatopoeia* или *onomatopœia*), причем данный термин может обозначать в разных работах принципиально различные явления звукоподражания и звукосимволизма [Crystal 1995: 250–253].

Рассмотрим еще одно понятие, являющееся ключевым для данной терминосистемы. Многими учеными отмечалось, что в основе звукосимволической лексики лежит явление *синестезии* [Горелов, Седов 1998]. Звукосимволическое слово порождается при попытке максимально уподобить действия артикуляторного аппарата изображаемому объекту или же передать впечатление от него с помощью психоакустических свойств звуков, входящих в состав звукосимволического слова. Однако термин «синестезия» является общим для ряда дисциплин (психология, медицина, когнитивная лингвистика и др.), поэтому С. В. Воронин предложил термин *синестемия* для обозначения данного явления в связи с лингвистическим понятием звукосимволизма. Под синестемией понимается «различного рода взаимодействия между ощущениями разных модальностей (реже – между ощущениями одной модальности) и ощущениями и эмоциями, результатом которых на первосигнальном уровне является перенос качества ощущения, на второсигнальном же уровне – перенос значения, в том числе перенос значения в звукосимволическом слове» [Воронин 1982: 77].

Англоязычная традиция оперирует понятием «фонестемы» (термин, введенный известным британским фонологом Джоном Рупертом Фертом в 1930 г.). Фонестема – это несколько звуков в начале или конце слова, которые, предположительно, отвечают за «поддержание» одной семы в значении нескольких слов с похожим началом или концом. Например, существительные с рифмующимися окончаниями на *-ump* обозначают некоторую «округлую выпуклость»: *bump, chump, dump, hump, lump, mump, rump, stump* [Burridge 2004: 144–145]. В этом случае речь идет в том числе и о словообразовательном потенциале фонестем (о словообразовательных моделях звукоизобразительных слов в отечественной фоносемантике см.: [Воронин 1982]). В ряде работ по данному вопросу можно встретить термин *идеофон* [Журавлев 1991; Журинский 1971; Казарин 2000 и др.], который относится как к звукоподражательным, так и к звукосимволическим словам.

При изучении звукоизобразительности в тексте используются термины с различным понятийным наполнением в разных научных традициях. Например, традиционный термин *аллитерация* может быть заменен на слово *анафония*, отсылающее нас к повтору звуков, в то время как внутренняя форма слова *аллитерация* указывает на повтор букв. Сам термин *фоностилистика* обозначает два разных направления исследований. В первом значении это подход, исследующий исключительно звучащую речь, описывающий орфоэпическую норму и ее нарушения, особенности произношения, обусловленные экстралингвистическими факторами, разрабатывающий классификацию стилей произношения (например: [Щерба 1974; Гайдучик 1978; Дубовский 1978; Соколова, Гинтовт 2009]). По словам Г.В.Векшина, такая фоностилистика, «уходя в область фонетики, в сферу звучащей речи, автоматически оказывается во владениях разговорной речи, обнаруживает себя за рамками изучения основных вербальных «конденсаторов» культуры – текстов» [Векшин 2006: 11]. Во втором значении *фоностилистика* – это собственно фоностилистика текста, источниками материала для которой являются жанры книжно-письменной речи и фольклора. Фоностилистика текста, таким образом, делает акцент на «проблеме звукового строения речи как результата сознательного или бессознательного предпочтения одних форм композиционно-звуковой организации текста другим» [там же]. В данной статье фоностилистика понимается во втором значении, т.е. как фоностилистика текста.

Таким образом, даже на уровне терминологии несложно ощутить отсутствие единства концептуальных представлений об интересующей нас области научных исследований. Разнообразие подходов к данной проблематике можно описать как стремление лингвистов тем или иным образом определить ее либо как область знания, изучающую системные явления, фундаментальные принципы порождения и восприятия речи, либо как область знания, исследующую по преимуществу речь. Эти два полюса можно условно определить как «номотетический» и «идеографический». Первый тяготеет к системному описанию, опирающемуся на фундаментальные закономерности. Второй описывает конкретные тексты и вырабатывает не столько теорию, сколько мета-язык описания структуры исследуемого текста или группы текстов.

К номотетическому полюсу («от языка к тексту») тяготеют следующие условно выделяемые нами подходы.

Психолингвистический подход. Анализ ассоциативной значимости фонетических единиц имеет богатые традиции в соответствующих разделах психолингвистики [Якобсон, Фант, Халле 1962; Панов 1966; Журавлев 1974; Сомова 1982; Левицкий, Стернин 1989, Прокофьева 1995; Горелов, Седов 1998 и др.]. Психолингвистическое направление обращается в основном к различным экспериментальным методикам, выявляя ассоциативные значения звуков вне контекста или в целом тексте, независимо от окружения звука или от его позиции. Психолингвистический подход при этом опирается на данные, полученные, например, следующим путем: «Символические значения звуков измеряются с помощью методики «семантического дифференциала», а фонетическое значение слова рассчитывается по специальной формуле с учетом позиций звуков в слове и места ударения» [Левицкий 1994: 32]. Психолингвистические методы подразумевают проведение различных типов экспериментов, анкетирования респондентов, получающих задание оценить каждый звук или слово по нескольким шкалам (например, большой – маленький, теплый – холодный и др.). Так, одна из методик Э. Сепира заключалась в том, что испытуемым предлагалось несколько пар слов, в каждой из которых им требовалось оценить «первое слово в сравнении со вторым как обозначающее объект большей либо меньшей величины» [Сепир 2002: 327]. Слова отличались только гласными. Основное различие было замечено между словами, содержащими контрастивные пары гласных *a* и *i*: «слово с гласным *a* скорее обозначает нечто большее, чем то же слово с гласным *i*, *e*, *ε* или *ä*» [там же: 331]. Еще одна из методик подразумевает использование одного искусственного «слова», в котором постепенно заменяются гласные. Респондент определяет значение каждого предложенного варианта «слова», что, по результатам исследования, дает картину «согласованной системы, в которой значения составляющих ее элементов («слов») были очевидным образом обусловлены интуитивно воспринимаемыми символическими связями между варьирующимися звуками». Так, слово *mila* один из отвечающих проассоциировал с ручьем, слово *mela*, соответственно, с более широким потоком, а слова *toia* и *mala* с океаном [Сепир 2002: 333–334]. Эти эксперименты призваны продемонстрировать тенденцию «к системной организации символических связей в соответствии с неосознанной, или интуитивной, логикой» [Сепир 2002: 335].

В дальнейшем значение, установленное экспериментально в ходе таких опросов, может

приписываться звуку в любых контекстах. Но лишь в некоторых подходах действительно проблематизируется отношение значения звука, взятого изолированно, и фонетического и смыслового контекстов. Так, в экспериментальной методике А. П. Журавлева также стоит проблема отбора материала для исследования и предпочтений в выборе результата эксперимента. По словам В. В. Левицкого, если автор исследования отбирает слова, заведомо обладающие ярким фонетическим значением, то сложно оценить, каким пластам лексики фонетическое значение присуще в большей или меньшей степени, а при получении в результате проведенного эксперимента нескольких оценок выбор наиболее существенного признака зависит от личных предпочтений исследователя [Левицкий 1994: 32]. Сам автор книги «Звук и смысл», А. П. Журавлев, указывал на случаи несовпадения лексического и коннотативного значения слова с его фонетическим значением, все же оговаривая, что в произведениях мастеров художественного слова ситуация может измениться и что контекст может поддерживать ту самую, не актуализированную в языке, сему фонетического значения слова. Это несовпадение автор методики объяснял тем, что писатель как никто другой чувствует звукообразный ореол слова и, ощущая подобное несовпадение в звуковом образе слова, сдвигает акценты в произведении с целью восстановить «фоносемантическую справедливость»: А. С. Пушкин в «Сказке о попе и работнике его Балде», руководствуясь положительным фонетическим значением слова «балда», создает образ смышленного работящего слуги, в то время как соответствующее нарицательное слово русского языка обладает противоположным значением [Журавлев 1991: 153].

В рамках психолингвистического подхода вводится понятие *звукобуквы (графона)*, так как в письменном тексте образ слова воспринимается в двух модальностях: аудиальной и визуальной [Журавлев 1991]. Однако в данной группе исследований все же уделяется недостаточное внимание звуковому и графическому контекстам, которые, как нам представляется, могут существенно исказить «чистый» ассоциативный фон звука. Также мало учитывается контекст творчества писателя, жанровое своеобразие произведения и характер его интертекстуальных связей. В рамках *текстофоносемантического* подхода представлено несколько авторских методик анализа: анализ звукоцветовых соответствий [Прокофьева 1995], метод поэтической идеографии [Казарин 1999], ономатопеический метод [Шляхова 2003] и др. Определение композици-

онной значимости звуковых повторов, выявление ключевых слов текста, в составе которых может актуализироваться тот или иной звукокомплекс, анализ анаграмм ключевого понятия текста, а также интерпретация полученной информации с привлечением биографической информации об авторе и интертекстуальных связей произведения – все это расширяет рамки исследования ассоциативных связей звуков в тексте.

Лингвофоносемантический подход близок двум предыдущим с той лишь разницей, что применение его касается узкой группы маргинальных языковых явлений (обычно звукоподражательной лексики), и его появление было вызвано попыткой оспорить известное утверждение Ф. де Соссюра о немотивированности языкового знака. В сущности, речь идет о направлении в области лексикологии и лексической семантики, исследующей мотивированность слова как знака. Признавая в целом положение Соссюра, лингвисты довольно давно указывали на целый пласт слов, в которых связь формы и содержания является фонетически мотивированной [Скаличка 1967; Сепир 2002 и др.]. Исследования на лексическом материале языков неродственных групп показали, что фонетической мотивированностью обладают слова, обозначающие звучание, эмоциональное состояние, размер и форму, а наименее мотивированы слова с абстрактным значением [Левицкий 1994: 28].

Такие слова, действительно, специфичны: они, как правило, относятся к сниженной лексике, сленгу, встречаются в диалектах, помимо общего денотативного компонента, описанного выше, они обладают фонологической и морфологической аномальностью, однако «на фоне других аномальных знаков выделяются как знаки относительно единообразные» [Журинский 1971: 242]. Таким образом, в данном направлении фонетическая мотивированность слова рассматривается как явление словообразовательное, и закономерным является выявление этого единообразия. На факты «неканоничной фонетики» (термин А. А. Реформатского) обращали внимание известные отечественные фонологи, подчеркивая особый статус этих языковых единиц, далеких от конвенционального и приближающихся к маргинальным явлениям языка ([Реформатский 1966: 96–109; Щерба 1935: 451–453]. На материале обширного лексического материала неродственных языков С. В. Воронин создал классификацию звукоизобразительных слов с подробным описанием словообразовательной модели каждой группы звукоподражательной и звукоименной лексики, где словообразовательными формантами выступают фонемотипы (классы фонем,

обладающие общим признаком: например, лабиальные гласные и согласные в фонолексическом классе слов, обозначающем округлые предметы) [Воронин 1982]. Специфическая функция таких слов в художественном тексте, т.е. собственно их фоностилистическое значение как изобразительных средств, рассматривается здесь как вторичная.

Обратный вектор, идеографический, т.е. идущий «от текста к языку», наоборот, фокусируется на функциональной специфичности звукоизобразительных средств в акте коммуникации, в том числе художественной. В этом случае, с одной стороны, принимается во внимание гораздо большее количество явлений (помимо ассоциативного содержания звука и звукоподражательности как словообразовательного приема: ассонансы и звуковые повторы, возникающие в синтагматике отношения звукокомплексов, ритмика и проч.). С другой стороны, движение от текста к языку почти никогда не достигает финальной точки, т.е. вырабатываемый метаязык описаний таких явлений остается чисто прикладным явлением, работающим на пространстве более или менее ограниченного набора текстов.

Исследование фонетической составляющей художественного текста в начале XX в. активно осуществлялось в первую очередь в трудах представителей формальной школы: В. Б. Шкловского, Р. О. Jakobsona, Б. М. Эйхенбаума, Л. П. Якубинского, Е. Д. Поливанова, О. М. Брика и др. Одной из неоспоримых заслуг этого направления является выделение особой эстетической функции языка художественного произведения, который отличается от языка практического отсутствием автоматизма. Мало кто из участников объединения ОПОЯЗ обходился вниманием звуковую сторону художественного произведения. Так, О. М. Брик и Е. Д. Поливанов создают классификации звуковых повторов в художественном тексте. Большинство ученых этого направления исследовали исключительно поэтический текст в качестве носителя поэтической (эстетической) функции. Именно поэзия признавалась той областью, где звуковой символизм наиболее ощутим [Jakobson 1990: 183]. Однако Е. Д. Поливанов предложил отличать поэзию от прозы по следующему, чисто формальному, критерию: «к поэзии мы относим всякую пьесу, словесный материал которой обнаруживает организованность по тому или иному фонетическому (т.е. звуковому) моменту (помимо и независимо от своей смысловой организованности)» [Поливанов 1963: 99]. Введение художественной прозы в проблемное поле фоностилистики является важным шагом на пути к разработке

методики анализа фонетических стилистических средств в художественной прозе.

Некоторые жанры прозы демонстрируют повышение активности фоностилистических средств. Это жанры крупной прозы, такие как романы и повести, в которых актуализация фонетических средств обусловлена особенностями авторской манеры письма, намерением создать комический эффект или усилить лиризм. Так же ярко фоностилистические свойства текста проявляются в жанрах детской прозы, как то в жанре литературной сказки, где повышено ожидание фонетической игры в силу ориентации автора на характерные признаки детского восприятия. В следующем фрагменте из классической английской литературной сказки «Ветер в ивах» Кеннета Грэма звукоподражания и специфическая фонокомпозиционная организация текста выполняют функцию интенсификации эмоционального воздействия наряду со звукоподражательной и другими типами инструментовки, а также приемами стилистического синтаксиса: *Never in his life had he seen a river before – this sleek, sinous, full-bodied animal, chasing and chuckling, gripping things with a gurgle and leaving them with a laugh, to fling itself on fresh playmates that shook themselves free, and were caught and held again. All was a-shake and a-shiver – glints and gleams and sparkles, rustle and swirl, chatter and bubble* [Graham 2006: 5].

Безусловно, основные положения стилистики также становятся достоянием исследователя фоностилистических приемов художественного текста. Одно из ключевых понятий для стилистики декодирования – это понятие «выдвижения» (в англоязычной традиции – «foregrounding» – *выдвижение на первый план*) на фоне немаркированных элементов текста [Арнольд 2009: 62–63]. В качестве маркированных элементов текста могут выступать и единицы фонетического уровня языка, которые, будучи организованными определенным образом, становятся структурно активными [Лотман 1996: 71]. В работах по стилистике, принадлежащих крупнейшим ученым, встречаем разделы, посвященные фонетическим стилистическим приемам [Galperin 1977: 123–129; Арнольд 2009: 275–279; Кухаренко 2000: 6–10]. Актуализация единиц фонетического уровня художественного текста может являться характерной чертой индивидуального стиля автора, зависеть от жанра произведения, т.е. служить своеобразным маркером стиля авторского или жанрового кода. Однако рассматривая стилистические особенности художественной речи на примере текста одного автора, исследователь может невольно отойти от

собственно лингвистических позиций к сфере литературоведения.

Поскольку стилистика декодирования подразумевает наличие в тексте некоторого кода, важно исследовать фоностилистические приемы с позиций семиотики, т.е. определять значимость элемента системы через его отношение к другим элементам, другими словами, через синтактику (связь знаков в речи). В терминах семиотики означаемое – это *значение* знака. В этом смысле значение фонемы заключается в ее функции в языке, а *значимость* (value) знака можно выявить при его сопоставлении с другими знаками языка, т.е. в речи. Важно различать значение фонетического знака, выражающееся в отождествительной и смысловозначительной функции фонемы в слове, и значимость, которая может проявиться в определенном контексте. Поэтому существование фонетического значения отдельно взятого звука не поддается проверке и подвергается сомнению. Однако с учетом композиционной значимости фонемы (фонемотипа) и условий ее употребления можно описать ее эстетическую функцию, которая и будет представлять собой ее значимость.

Работы Г. В. Векшина представляют собой взгляд на основные фонетические единицы фоностилистики (фоносиллабемы) художественного текста с точки зрения их композиционной значимости: основа большинства фоностилистических приемов, звуковой повтор, рассматривается автором «Очерка фоностилистики текста» как «далеко не чисто количественное, но позиционное, композиционное» явление [Векшин 2006: 52]. Из приведенной выше цитаты видно, что Г. В. Векшин оценивает «ограниченную приложимость статистических методов к изучению звуковых форм текста» [там же: 22]. Именно за это работы автора подвергаются критике (см., например: [Орлицкий 2008]). Тем не менее перестановка или повтор звуков, действительно, могут не демонстрировать увеличение частотности той или иной фонемы в тексте, а проявлять свою значимость в основном в особенностях ее композиционного употребления. Выделение фоносиллабемы как основной единицы фоностилистики и основной единицы измерения звукового повтора представляется чрезвычайно важным и оправданным с позиций современной фонетики и фонологии, где слог признается наименьшей единицей артикуляторной и перцептивной фонетики.

Существующие подходы к исследованию звукообразительных средств в языке и тексте представлены многообразием точек зрения на проблему и методик анализа материала. Одно-

временно с этим некоторые вопросы фоностилистики текста (принципы отбора материала, возможности количественного анализа применительно к фоностилистическим средствам художественного текста, доля субъективной составляющей в оценке результатов исследования, метаязык описания и некоторые другие) еще только предстоит решить. Одним из возможных векторов решения части из обозначенных проблем является подход к фоностилистическим единицам текста как к элементам, обладающим композиционной значимостью. Учитывая позицию и композиционную роль структурно активных фонетических единиц художественного текста, можно продемонстрировать их объективную значимость и уточнить их текстовые функции.

Список литературы

- Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык: учеб. для вузов. 9-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
- Векшин Г. В.* Очерк фоностилистики текста: Звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М.: МГУП, 2006. 462 с.
- Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л., 1982. 244 с.
- Гайдучик С. М.* Фоностилистика как один из разделов фонетики // Интонация. Киев: Вища школа, 1978. С.33–41.
- Глухарева Е. А.* Звукоподражательные глаголы с диссонантным денотатом (семантические особенности) // Глагол в германских языках. Тула, 1976. С.77–94.
- Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. М., 1998. 256 с.
- Горохова Л. А.* О некоторых закономерностях перевода ономастопов в зависимости от функции, выполняемой ими в тексте // Лингвистика. Перевод, межкультурная коммуникация. Пятигорск, 2000. Вып.2, №2. С.110–120.
- Дубовский Ю. А.* Анализ интонации устного текста и его составляющих. Минск, 1978. 137 с.
- Журавлев А. П.* Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 160 с.
- Журавлев А. П.* Звук и смысл. М., 1991. 160 с.
- Журицкий А. Н.* Некоторые сопоставления «периферийных» классов языковых знаков (в одном или в разных языках) // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971. С.240–257.
- Иванов Вяч.* О языковых причинах трудностей перевода художественного текста // Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988. С.69–88.
- Казарин Ю. В.* Проблемы фоносемантики поэтического текста. Екатеринбург, 2000. 172 с.
- Казарин Ю. В.* Поэтический текст как система. Екатеринбург, 1999. 259 с.
- Кухаренко В. А.* Практикум з стилістики англійської мови: підручник. Вінниця: Нова книга, 2000. 160 с.
- Левицкий В. В.* Фонетическая мотивированность слова // Вопросы языкознания. 1994. №1. С.26–37.
- Левицкий В. В., Стернин И. А.* Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж, 1989. 192 с.
- Лотман Ю. М.* О поэтах и поэзии. СПб., 1996. 846 с.
- Николаева Т. М.* От звука к тексту. М.: Языки слав. культур, 2000. 680 с.
- Орлицкий Ю. Б.* Первый шаг к новой теории // Новое лит. обозрение. 2008. №90. URL: <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/856/877/index.html> (дата обращения: 24.03.2013).
- Панов М. В.* О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С.160–165.
- Поливанов Е. Д.* Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1963. №1. С.99–112.
- Прокофьева Л. П.* Цветовая символика звука как компонент идиостиля поэта (на материале поэтических произведений А. Блока, К. Бальмонта, А. Белого, В. Набокова): дис. ... канд. филол. наук. Саратов: СГУ, 1995. 256 с.
- Реформатский А. А.* Неканоничная фонетика // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 96–109.
- Сепир Э.* Об одном исследовании в области фонетического символизма // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Изд. группа «Прогресс», 2002. С. 323–335.
- Скаличка В.* Исследование венгерских звукоподражательных выражений // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С.277–313.
- Соколова М. А., Гинтовт К. П., Тихонова И. С., Тихонова Р. М.* Теоретическая фонетика английского языка. М., 2009. 286 с.
- Сомова Е. Г.* Фонетическое значение в слове и тексте // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982. С.154–158.
- Шляхова С. С.* Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2003. 216 с.
- Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.
- Щерба Л. В.* О диффузных звуках // Академику Н.Я.Марру. XLV (Юбил. сборник). М.; Л., 1935. С.451–453.
- Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М.* Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. 1962. Вып.2.

С.173–231.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. // Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. Л., 1990. С. 178–185.

Burridge, K. Blooming English. Cambridge University Press, 2004. 242 p.

Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of

Language. 1995. 499 p.

Galperin I. R. Stylistics. М.: Higher School, 1977. 234 p.

Graham, K. The Wind in the Willows. СПб.: Антология, КАРО, 2006. 224 p.

PHONETIC EXPRESSIVE MEANS IN LANGUAGE AND TEXT: CURRENT APPROACHES AND RESEARCH PERSPECTIVES

Olga Yu. Orlova

Post-graduate Student of Germanic Philology Department
Ural Federal University named after B. N. Yeltsin

The article examines current approaches to phonetic expressive means in language and text put forward by Russian and foreign scholars. The issues of heterogeneity of phonetically expressive words within the group of sound symbolic lexis of language are regarded. The characteristics of interpretation of cases of actualization of the phonetic language level units in the literary text in various scientific trends are revealed; the problem of terms variety is considered. The author of the article points out that certain methods of analysis of the phonostylistic component of the literary text are not quite informative and suggests possible approaches to further investigation of this kind of data in the text.

Key words: sound symbolism; sound imitative and sound symbolic lexis; phonostylistics of literary text; functions of phonostylistic means in literary text; literary text analysis.